

**II Всероссийский конкурс
литературных работ
людей с нарушением зрения
имени Эдуарда Асадова**

ТОЛЬКО ВЫУЧИТЬСЯ ЖДАТЬ

Автор:

**Наталья Александровна
Демьяненко**

2023 г.

*Посвящается моей учительнице
Ольге Фёдоровне Бегуновой*

ПРОЛОГ

Десять тридцать. До передачи оставалось полчаса. Не имело никакого смысла тратить это время в пустом ожидании. Можно было пропылесосить пол или отправиться на кухню, почистить картошку для супа — домашние дела сами себя не сделают. Но Катя продолжала просто сидеть и ждать. В это же самое время у себя дома точно так же — Катя знала — ждёт, волнуется подруга Танюша. Катин муж Андрей — успешный массажист — тоже собирался включить радио в одиннадцать:

— Если клиентов не будет. Но в любом случае запись сделайте.

А учительница русского языка и литературы Анжела сразу сказала:

— В это время не смогу, но Игорь послушает обязательно.

Все они — Катя, Андрей, Татьяна, Анжела и её муж Игорь — выпускники Санкт-Петербургской школы-интерната для слепых и слабовидящих детей имени Грота. А ещё они бывшие ученики Ольги Михайловы Забеговой, которая много лет не просто учила — дарила радость постижения русского языка, шаг за шагом открывала для них глубину и богатство литературы.

Их школа, их детство, их любимая учительница... В тёплый поток мыслей обо всём этом холодной струйкой вливалась грусть. Сегодня, 1 марта 2005 года, в день своего семидесятилетия, Ольга Михайловна лежала в больнице, и врачи подозревали худшее.

— Положили в клинику на обследование, — объяснил внук Ольги Михайловны Лёша, когда Катя две недели назад попросила позвать бабушку к телефону.

— Что-то серьёзное?

— Подозрение на онкологию. Настроение у бабушки, сами понимаете, не очень.

— А ведь у Ольги Михайловны скоро юбилей.

Лёша вздохнул:

— Какой уж тут юбилей.

Катя открыла крышку брайлевских часов. Двадцать минут ещё. Лёша обещал включить Ольге Михайловне радио к началу передачи.

— Только не предупреждайте, — попросила она, — представляете, сколько

там заявок. Наше письмо наверняка и не заметят.

Если бы Катя была Шарлоттой Бронте или Лидией Чарской, в каких живых тонах она описала бы дни, месяцы, годы свои и других слепых и слабовидящих детей в школе-интернате. Она бы рассказала и показала, как важно в такой школе, где дети зачастую надолго оторваны от родителей, иметь рядом хорошего, мудрого наставника. Такого, каким всегда была для них Ольга Михайловна.

Но она не Шарлотта Бронте и не Лидия Чарская. Она всего лишь Екатерина Александровна Корданова. Это сейчас. А тогда...

ЗЛЫЕ?

Катя Трошина сидела в опустевшем классе.

Получилось так, что, всего три недели отучившись после летних каникул, она заболела. Сегодня вернулась к учёбе, но была совершенно законным образом освобождена от физкультуры.

Если говорить всю правду, это самое освобождение всегда являлось превосходной компенсацией за дни головной боли, утомительной необходимости в носовом платке, приёма лекарств. Нет, Катя не была из тех нерадивых учеников, для которых пропустить урок — праздник. Но физкультуру не любила. В их школе имелось чёткое разделение классов. В одних учились дети с мизерным остатком зрения или вовсе слепые, в других — слабовидящие, которые зрением пользовались активно и даже не знали шрифта Брайля. Катя и её одноклассники между собой называли таких «глазастыми». Сама Катя, в пять лет переболев острым инфекционным заболеванием, потеряла зрение полностью, поэтому относилась к первой категории. Поскольку класс слепых был маленький, урок физкультуры проводился одновременно и для слабовидящих. Те были энергичные, подвижные ребята. Основное внимание учителя доставалось им. Остальные ученики получали какое-нибудь скучное задание в виде однообразных упражнений у шведской стенки. Этим и ограничивалось. Стоило ли удивляться, что Катя была вовсе не единственной, кого радовало освобождение от физкультуры.

Прозвенел звонок. Катя потянула из парты пухленький томик брайлевской книги. Книжка была неинтересной, слишком детской. После уроков Катя собиралась сходить в школьную библиотеку, попросить дать ей что-нибудь другое, но никак не могла решить, что именно. Пока же она будет читать, что есть. Катя раскрыла книгу.

В этот момент отворилась дверь, и послышался звонкий голос:

— Ребята, сюда. Ольга Михайловна сказала, что её пятый сейчас на физкультуре.

Катя замерла. Значит, Ольга Михайловна здесь будет проводить урок русского или литературы с другим классом.

Ольга Михайловна была их новым классным руководителем. Катя ещё не успела понять, нравится ей новая учительница или нет. Голос, пожалуй, строгий, но за три недели, которые она провела в школе до болезни, разве определишься.

Ребята заходили, тихо переговариваясь. Было ясно, что это старшеклассники. Голоса мальчиков звучали почти как взрослые.

А ещё Катя поняла, что эти ученики Ольги Михайловны неплохо видят. По классу передвигались уверенно, без лишнего шума рассаживались по местам.

На Катю, сидящую за последней партой, к счастью, никто не обратил внимания.

Дверь снова отворилась.

— Добрый день, ребята.

Ольга Михайловна.

— Задержалась, помогала первоклашкам устроиться в «Икарусе». Они на экскурсию в Павловск поехали. Один из воспитателей, который собирался с ними, заболел. На два класса осталась одна воспитательница, вчерашняя студентка. Растерялась, нервничает. Я и подошла помочь.

Катя представила, в каком восторге была бы её младшая сестрёнка Лиза, если бы ей предстояла поездка в другой город на специальном «Икарусе», и порадовалась за первоклашек.

— Игорь, видела тебя неподалёку, надеялась, ты тоже поможешь, но ты не по-джентльменски сбежал.

Кто-то хихикнул. Юношеский голос прямо перед Катей произнёс:

— Да боюсь я их, Ольга Михайловна.

— Кого, малышей? — съехидничала какая-то девочка.

На этот раз смешки прозвучали дружнее.

— Слепых боюсь, — пробормотал Игорь.

В этот момент Кате показалось, что сейчас все посмотрят на неё.

— Не бойся, Игорёк, я готов защитить тебя от слепых всей школы.

Этого парня Катя по голосу узнала. Фёдор Берченко был популярен в школе. Он работал бас-гитаристом в школьной группе «Солнцестояние». Кроме того, нередко проводил школьные дискотеки.

На этот раз охотно рассмеялись девочки.

— А почему ты боишься слепых, Игорь?

Ольга Михайловна, отметила Катя, смешным разговор не находит. Спрашивает серьёзно и даже, кажется, немножко грустно.

— Они злые.

— Я понимаю, о чём говорит Игорь, — поддержала девочка с мелодичным голосом. Про себя Катя тут же назвала её Красавицей.

— У тебя тоже незрячие ребята вызывают тревогу, Алёна?

— Я иногда хочу им помочь, а они или руку оттолкнут, или резкое скажут что-нибудь.

— Ну да, или налетит такой слепой, — оживился Игорь, — да ещё и тебя дураком обзовёт. Что здесь стоишь, дурак?

В классе нарастал шум.

— Меня тоже один раз слепая девчонка в столовой чуть с ног не сбила! — выкрикнула одна из учениц. — Я думала, она извинится, а она пробормотала что-то недовольное и пошла.

— Ребята, — Ольга Михайловна произнесла это еле слышно, но в классе мгновенно стало тихо. — Вы когда-нибудь оказывались в полной темноте?

Никто не ответил.

— Я тут домой шла поздно вечером. Иду между домами, а фонарь не работает. Я испытала не то чтобы страх, а чувство незащищённости. Невольно

появилось ощущение, что окружающий мир настроен против меня. Я тоже могла в этот момент наткнуться на кого-нибудь и сказать резкость. Это при том, что я знала — несколько метров темноты, и снова выйду на свет. А представьте, каково тем, кто в темноте постоянно.

Они говорили о ней. Пусть не конкретно о ней, о Кате, но и о ней тоже. Она ведь тоже была слепой, а значит, могла этим ребятам показаться злой, в чём-то несправедливой. Да не только им, вот же и учительница соглашалась, что невозможность видеть делает людей злыми.

Катя понимала, что невольно подслушивает чужой разговор, но сейчас её больше волновало другое.

Неужели она злая?

Ну да, конечно. Так и есть. Как она ругает младшую сестрёнку, когда та берёт её вещи и не кладёт на место. Терпеть Катя этого не может, когда вещи, особенно мелкие, приходится искать по всему дому.

Она подумала о Лизе и невольно заулыбалась. Когда Катю забирают домой из школы в субботу — самый долгожданный, отрадный миг за всю неделю: мама открывает ключом дверь, а из глубины квартиры уже слышится топот маленьких ног Лизки и залиvistый лай их пуделя Радика. Едва ступив через порог, Катя тут же попадает в плен рук и лап. Лизка и Радик отнимают её друг у друга, а Катя хохочет, не зная, кого первого хватать на руки, целовать в щёчку или мохнатую мордашу.

Да ну, ерунда это. Все её злость и раздражение на сестрёнку разве это всерьёз? Она не представляет себе жизни без своей маленькой мартышки Лизочки.

Но — стоп! Когда Катя идёт по школьной лестнице, а навстречу мчится кто-то с огромной скоростью, и она еле успевает отскочить, разве она не сердится? Да ещё как!

Злая, ничего не поделаешь.

— А знаете, почему я пошла работать в школу для слепых? — нарушила ход невесёлых Катиных мыслей учительница. — У меня был выбор между тремя коррекционными отделениями. Тогда они назывались дефектологическими. Можно было пойти на психолога, на сурдопедагога — учить глухих ребят или на тифлопедагога — к слепым.

— Почему же вы к слепым пошли? — спросила Красавица.

— Ребята, я вот смотрю и никак не могу понять. — Катя насторожилась. Голос Ольги Михайловны изменился. — Кто у нас за последней партой такой маленький?

— Да она с самого начала здесь сидит, скромненькая такая, — повернулся к Кате Игорь.

Вот сейчас на Катю посмотрели все.

— Ну, конечно, это же Катя Трошина из моего пятого класса.

Катя поднялась из-за парты:

— Я от физкультуры освобождена.

— Хорошо, Катюша, сиди, пожалуйста.

Ей было приятно, что их новая учительница, такая мудрая и спокойная, обращается к ней с родственной теплотой. И это вместо того, чтобы отругать за подслушивание чужого разговора. Показалось даже, что Ольга Михайловна сама почему-то смущена.

— Ребята, давайте всё-таки начнём литературу. Если у кого-то есть вопросы, жду их с нетерпением.

Что толкнуло Катю поднять руку, она с ужасом спрашивала себя уже в следующий миг.

— Ты что-то хочешь сказать, Катя?

Она снова встала из-за парты.

— Валяй! — подбодрил Игорь.

— Почему вы всё-таки пошли работать к нам?

Старшеклассники дружно рассмеялись. Но Катя уже несколько не стеснялась, чувствуя всеобщую симпатию.

— Молодец, я и сама хотела напомнить Ольге Михайловне, что она не договорила, — похвалила красавица Алёна.

А Ольга Михайловна произнесла:

— Когда будешь немного постарше, Катя, прочитаешь «Слепого музыканта» Короленко. Там и ответ.

И Катя уже знала, какую книгу попросит, когда пойдёт в библиотеку.

Сядясь за парту, она первый раз в жизни подумала, насколько ей нравится её школа, учителя, одноклассники и другие ребята тоже. По-настоящему нравятся.

СВОИ ОШИБКИ

Учиться Кате тоже нравилось. Только вот некоторые вещи понять ей было трудно. Например, рисование. На альбомном листе, положенном на резиновый коврик, выколоть грифелем рельефный рисунок для неё было удовольствием. Но учительница Римма Семёновна непременно настаивала на раскрашивании рисунков фломастерами. И это при том, что в их классе половина ребят не могли различить цвета фломастеров. А кто-то и совсем не имел представления о цвете, потому что никогда не видел.

Именно поэтому Катя не испытывала ни малейших угрызений совести, когда обращалась за помощью к однокласснице Лене Фёдоровой. Совсем небольшой, но остаток зрения у Лены был. Она и раскрашивала Катины рисунки. Римма Семёновна потом проверяла, ставила пятёрки. Хотя наверняка понимала, что сделала Катя не сама.

Ну да это было неважно. Важна была пятёрка, и она у Кати была.

Зато вчера вечером Катя написала целых два сочинения на свободную тему — за себя, и за Лену. Писать Катя любила, вкладывала в это душу. Поэтому, когда Лена попросила «накатать» за неё, с радостью согласилась. Работа интересная, творческая, к тому же это отличная возможность отблагодарить одноклассницу за помощь с рисованием.

Писала весь вечер. Сперва увлечённо, потом, когда пальцы устали, задаваясь вопросом, откуда появилось по отношению к письму словечко «накатать». Может, у зрячих это так и получается? Пишут ведь шариковой ручкой. «Катаются» на шарике. А грифелем каждую точку прокалывать приходится, силу применять. Сомнительный аттракцион. Зато у них, в отличие от «глазастых», никаких почерков нет. Ольга Михайловна ни за что не догадается, что Лена писала не сама.

Наконец Катя отложила прибор и грифель. Оба сочинения были написаны. Катя потёрла затёкшие пальцы. Она была довольна. Осталось только отдать тетрадки на проверку.

В тот день, когда Ольга Михайловна должна была объявить оценки за сочинения, Катя нисколько не волновалась. Грамматические ошибки она если и делала, то негрубые, простительные. Например, в прошлом году учительница ещё начальной школы указала ей на то, что правильно писать не «одеть коньки», а «надеть», потому что одеть можно только во что-то, а коньки на ноги мы надеваем. Сказала и оценку не снизила. Катя запомнила.

Её собственное сочинение про пуделя Радика Ольга Михайловна похвалила.

— Пропущена одна запятая, но засчитывать не буду. Правилам пунктуации уделим внимание позже.

Катя забрала свою тетрадь с пятёркой.

— Сочинение Лены Фёдоровой меня удивило, — продолжала Ольга Михайловна.

Лена поднялась из-за парты.

Удивило, потому что обычно Лена пишет с ошибками, подумала Катя. Ей почему-то стало неловко, но она тут же себя и одёрнула. Нет ничего страшного в том, что она помогла однокласснице, которая в свою очередь при необходимости всегда помогает ей.

— Ни одной ошибки, — учительница словно вторила Катиным мыслям. — Кроме того, Лена, ты красиво, художественно описала осень. Но я обратила внимание на такую фразу: «Отцвели ромашки, васильки и колокольчики, которые мне так нравилось собирать в лесу летом». Ты действительно ходишь в лес собирать ромашки и васильки?

Почему бы и нет, подумала Катя. А Лена, вероятно, думала то же самое, но ничего не говорила.

— Колокольчики в лесу действительно растут, а вот васильки там встретить практически невозможно. Василёк не лесной цветок.

И правда, мысленно удивилась Катя, зачем она написала про эти васильки? Она и вообще-то цветы не любит собирать.

Всегда грустно наблюдать за вянущими растениями. Они ведь тоже хотят жить. Но это же всего лишь сочинение.

— Я просто забыла, какие цветы бывают в лесу, — пробормотала Лена.

— А вот ещё. Мне понравился абзац, в котором ты процитировала Пушкина: «Осенняя пора, очей очарованье». Но вдруг дальше ты пишешь, что щедрая на краски и богатая урожаем осень — мрачное время года. При этом совершенно ничего больше не объясняешь. Что ты хочешь этим сказать, Лена?

Катина одноклассница ответила робко, почти испуганно:

— Не знаю.

Кате захотелось оказаться на противоположном конце земного шара. Конечно же, Лена понятия не имеет, что она хочет сказать, потому что сочинения не только не писала, но и не прочитала его предварительно.

Что же делать? Катя подняла руку.

— Мы слушаем тебя, Катя.

— Скорей всего, — проговорила Катя, поднимаясь, — Лена имела в виду, что осенью всё вянет, умирает. Всё, что радовало летом.

— В том числе и васильки в лесу?

— Ну да.

По классу прокатился нестройный смех одноклассников.

— Об этом и надо было написать перед тем, как говорить о мрачности осени. А то получается, что осень мрачна красивыми листьями и богатым урожаем.

Катя кивнула, осознавая всю нелепость ситуации. Но что ей оставалось делать, если учительница обращалась непосредственно к ней.

— И последнее. Читаю: «На улице сразу ощущается запах грусти в эти осенние дни». Очень хорошая фраза. Но интересно всё-таки запах грусти — это что?

— Но ведь осень, листья жёлтые, дождь., — почти шептала Лена.

Запах грусти. Для Кати это было очевидно. Она испытывала его сейчас, едва выйдя из дома. Странно, что это придётся объяснять. Но, как видно, придётся.

Она заговорила быстро, словно боясь, что её перебьют:

— Когда выходишь на улицу, особенно если на даче, пахнет листьями, пахнет вянущей травой, Лена правильно сказала. Цветами пахнет... Знаете, есть такие цветы ноготки. А ещё грибами. Опятами особенно. И так долго ждать теперь следующего лета. Всё это и есть запах грусти.

Катя замолчала, перевела дыхание.

— Лена, тебе Катя помогла писать сочинение?

— Немножко.

Ответ был встречен хохотом всего класса.

Кате казалось, что на неё надели тесную одежду. Трудно было дышать и постоянно хотелось что-нибудь на себе одёрнуть и поправить, чтобы стало наконец удобно.

Ребята ушли на перемену, а её Ольга Михайловна попросила задержаться. Ну сейчас от классной достанется ей по полной программе, чтобы неповадно было писать за других сочинения.

Катя стояла возле учительского стола и ждала, когда Ольга Михайловна заговорит.

— Я решила поставить Лене четвёрку. А знаешь почему?

— Нет.

— Потому что сочинение хорошее. Все мои замечания как раз к тому, что указанные неточности, твои неточности, Катя, заставляют задуматься. Балл снизила только потому, что писала не она. Понимаешь, оценка ведь не главное. А главное, чтобы и ты, и Лена поняли — всегда легче отвечать за свои ошибки, а не за чужие. Так же и самого себя подвести не так страшно, как другого.

Катя успокоилась. Ольга Михайлова не ругала её, она просто объясняла. Разговаривала с ней как с равной.

— Но ведь я тебя задержала по другому поводу. Очень уж оригинально ты описала запах грусти. Ты это сама придумала?

— Нет.

— А кто?

— Никто. Я это просто чувствую.

Ольга Михайловна засмеялась:

— Тогда в свободное время, пожалуйста, напиши для меня об этом своём чувстве.

Я как раз работаю над диссертацией о восприятии незрячими окружающей природы. Твой рассказ о запахе грусти будет очень кстати. Сделаешь?

— Конечно, — улыбнулась Катя.

— Ну иди, отдыхай, а то из-за меня самую хорошую, самую большую переменку пропустишь.

ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК

Большая перемена всегда представлялась Кате чем-то вроде пересадки из одного транспорта в другой. Позади уже полдороги учебного дня. Впереди столько же. Но сейчас ты не пассажир. Ты ждёшь другого транспорта и в эти минуты ожидания можешь делать всё, что заблагорассудится. Главное — не забывай, что время твоё ограничено, что сегодня тебе ещё предстоит ехать дальше.

За двадцать минут перемены можно было перекусить в столовой, поговорить с одноклассниками или, как сейчас, просто побродить по коридорам школы, вслушиваясь в голоса вокруг. А голоса эти имели интересное свойство: выделяясь из шумового фона, становиться участниками самых различных разговоров. Вот учитель первого класса беззлобно выговаривает малышне: «Кто же так строится! Прямо стадо маленьких барашков, а не дети».

Кате, уже семикласснице, трудно было поверить, что когда-то и она, и её одноклассники учились быстро строиться, чтобы идти в столовую или на урок.

А здесь старшие юноши и девушки обсуждают какую-то математическую формулу.

Катя, проскочив мимо незнакомых колючих слов про тригонометрические функции, прошла дальше.

Голоса, голоса... Они как черты лица. Могут быть застывшими, а могут — живыми, холодными и тёплыми, приятными и не очень. Голос, который она услышала сейчас, был по-настоящему красивым. Немного напоминал голос Володи Шарапова из фильма «Место встречи изменить нельзя» и принадлежал этот шараповский голос, Катя припомнила, молодому человеку из одиннадцатого класса. Звали его, кажется, Андрей. И ей хотелось бы слушать его и слушать, если бы своим чудесным голосом парень не извергал сейчас чудовищные ругательства. Впрочем, старшеклассник уже подходил к завершению своего эмоционального рассказа:

— Пришлось послать всё на... и идти своими двоими.

Катя не была пай-девочкой, но грубых слов боялась. В их семье было не принято употреблять бранные выражения, поэтому она привыкла думать, что ругаются, только когда по-настоящему сердятся. Но вот ведь одиннадцатиклассник и не сердился вовсе. Всего лишь делился с кем-то, как добирался до школы и его автобус попал в пробку. Интересно, с кем он разговаривает.

— Андрюша!

— Ольга Михайловна!

И этот хам позволяет себе такие слова в беседе с учителем? С женщиной? С Ольгой Михайловной?

— Ничего страшного, ты опоздал совсем ненадолго. Вот только старайся следить за своей речью.

— Ольга Михайловна, вот паскудой буду. Стараюсь сдерживаться, само вырывается. Не верите?

— Верю. Ты же знаешь, как я тебя уважаю, Андрей.

Катя последовала дальше, но всё-таки не выдержала, обронила:

— Как можно уважать такого грубияна?

Ей вслед с неподражаемой звучностью донеслось:

— Это кто тут ещё кислород портит?

После уроков Ольга Михайловна перехватила Катю в столовой:

— Ты не думай плохо про Андрея Корданова. Он замечательный парень: добрый, внимательный. Вот только с раннего детства ему нелегко приходится.

Катя пожала плечами.

— Так бывает, Катюша. Человек пытается казаться хуже, чем он есть на самом деле.

— Зачем? — удивилась Катя.

— Андрей растёт в неблагополучной семье. Отца второй раз судят за кражу, а у матери, кроме Андрея, ещё двое маленьких детей, и они тоже видят не очень хорошо. Андрей мог бы ночевать в интернате, но каждый день ездит домой через весь город, чтобы не оставлять мать одну, помогать с сестрёнками. Он хороший человек. Грубоватый, но хороший.

Однажды вечером в их классе было особенно шумно, а хотелось почитать в спокойной обстановке. Катя взяла книжку и решила отправиться на второй этаж. На втором этаже располагались кабинеты, и вечерами там никого не было. Катя облюбовала нишу в конце коридора, где стоял небольшой кожаный диванчик, нередко уединялась там с книгой.

Она поднялась по лестнице. Уже подходя к своему, как она мысленно называла, «читальному залу», услышала звук голосов и смех. Значит, её привычное место занято. Ничего страшного, она найдёт, где почитать. Катя собралась уже развернуться и уйти, но тут её окликнули:

— Куда направляемся?

Голос этого парня Катя знала — Иван Тихонов, или просто, как его все называли, Тихон из десятого. С ним боялись связываться ровесники, и не справлялись учителя. Рядом со школьным сорвиголовой всегда крутились пацаны, которым нравилось чувствовать себя под защитой сильного лидера. Тихон же в окружении безоговорочно преданной ему компании — в школе её называли «стаей» — казался самому себе неустрашимым и непобедимым авторитетом.

— Девочка идёт учить уроки, — заискивающе хохотнули из «стаи», и Катя с удивлением узнала голос всеобщего любимчика из группы «Солнцестояние» Федю Берченко.

— Может, я помогу?

Хулиган рванул из Катиных рук книгу.

— Мужики, кто умеет читать точки?

Ну конечно, Тихон и его дружки наверняка все были из «глазастых» и Брайля не знали.

— Я умею.

Катя не ошиблась? Неужели среди школьной «стаи» затесался её

одноклассник Миша Грачёв? Но в следующую минуту она подумала, что сейчас хулиганы испортят библиотечную книгу, и это заставило её забыть обо всём.

— Отдайте!

— Что тебе отдать, девочка?

Тихон сюсюкал нарочито сладким голосом:

— У кого-нибудь есть что для девочки?

— Я могу дать покурить, — отозвался один из хулиганов.

Раздался дружный хохот.

— Она, наверно, книжку просит, — подсказал Фёдор. — Тихон, дай ей две странички. Не жадничай. А остальное — Грачу. Пусть читает.

Компания снова заржала.

— Отдайте!

Катя знала сейчас только, что надо спасти книгу. Она рванулась в сторону Тихона. Кто-то подставил ногу. Катя полетела на пол, больно ударившись локтем.

Парни снова засмеялись.

Катя попыталась подняться, но кто-то толкнул её назад. Она снова упала и вновь на тот же локоть. Она понимала, что плакать нельзя, что это только раззадорит злых мальчишек, но слёзы уже текли по щекам.

— Ублюдки! — Это голос Володи Шарапова... Нет, Андрея Корданова! Того самого матерщинника, которого Ольга Михайловна назвала хорошим человеком. — Отпустите девчонку, уроды.

Он сказал ещё какие-то грубые слова, которые Катя не поняла.

Она вскочила на ноги.

— Дрончик, ты у нас теперь в кавалеры заделался или вступил в Общество защиты детей и животных? Вали отсюда, а то сам знаешь, что будет.

— Не знаю, Тихон, но очень хочу расширить свой кругозор.

Андрей уже не ругался и не кричал.

— Покажи ему, Тихон.

— Пацаны, не надо. Он же самбо занимается, — снова подал голос Мишка Грачёв.

— Да он слепой почти совсем. Какое самбо?

Это ответил Тихон, после чего, Катя слышала, резко подскочил к Андрею.

А потом послышался вопль. Его же, Тихона. А следом тихий голос Андрея:

— Кто следующий, отморозки?

Желающих не обнаружилось.

Андрей обратился к Кате:

— Ты что здесь делаешь одна?

— Я почитать пришла. А они книгу отобрали. Пусть вернут книжку.

Ей в руки тут же сунули толстенный уютный томик. Она прижала его к себе как живого.

— Пойдём, отведу тебя в класс, читательница. Ты ведь в классе Ольги Михайловны учишься?

Он потянул Катю за руку.

Когда они уже почти дошли до её класса на первом этаже, Андрей сказал:

— Я в одиннадцатом учусь. Если кто обидит, говори.

— Спасибо тебе, Андрей, — пролепетала Катя.

Он хмыкнул в ответ. Смущённо. Или ей показалось?

— Ты хороший человек, — зачем-то сказала она.

— Да иди ты!

Он повернулся и быстро зашагал прочь.

А Катя тихо повторила, уже как будто для себя:

— Хороший.

ПИСЬМО ТАТЬЯНЫ

А хорошая подруга у Кати появилась только в девятом классе. Таня Богданова переехала в Санкт-Петербург из Пскова. Из-за очень слабого зрения определилась в школу-интернат для слепых и слабовидящих. Домой, как и Катя, Таня ездила только на выходные. Подружились девчонки как-то сразу. Хватило одного общего похода в библиотеку. Как ни с кем раньше, Кате было интересно с новой подругой. Всегда находились темы для разговоров. К тому же нравились Танина мягкость, способность поставить себя на место другого.

К концу второго полугодия Катя стала замечать, что всегда оживлённая её Танюшка вдруг замолкает и смущается, как только поблизости оказывается их общий одноклассник Миша Грачёв. Однажды Таня два раза уронила на уроке грифель. Бессовестный Грачёв заметил, что у кого-то, кажется, дырявые руки. Таня после этого час прорыдала в коридоре. А с чего бы рыдать? Мальчишки всегда подтрунивают над девочками. Работа у них такая.

— Тебе что, Мишка нравится?

Таня заревела ещё отчаянней.

Тогда Катя поставила подруге окончательный диагноз — влюбилась.

В начале третьей четверти в их классе проходили «Евгения Онегина».

На дом было задано выучить письмо Татьяны Лариной к Онегину.

— Я со стыда умру, — заявила Таня, — если мне придётся вслух декламировать любовное признание. Да ещё от имени Татьяны.

— Да тебе-то что со стыда умирать? — удивилась Катя. — Не о тебе же Пушкин написал.

— Всё равно, я не смогу.

Катя возмущённо фыркнула, но, когда к доске вызвали Анжелу, смышлёную девочку с хорошо поставленным голосом, Катя и сама испытала облегчение. Не за себя, за влюблённую дурынду Танюшку.

Анжела дочитала последние строчки:

— ...Но мне порукой ваша честь, и смело ей себя вверяю.

— Хорошо, Анжела. Очень хорошо.

Если бы Катя была на месте Ольги Михайловны, тоже от души похвалила бы Анжелу и поставила пятёрку. Она подумала, что всегда теперь, наверно, пушкинские стихи в её сознании будут звучать с нежно-мечтательными интонациями одноклассницы.

— Чувак этот Онегин!

Мишка Грачёв отчебучил. Как обычно. Но и Ольга Михайловна несколько не изменила себе. Как всегда, спокойно и доброжелательно поинтересовалась:

— Почему, Миша, ты считаешь Евгения Онегина чуваком?

— Да потому, что оттолкнул Татьяну. После её признания он должен был

на ней жениться.

Кто-то поддакнул, кто-то засмеялся, а Катя нахмурилась, потому что была уверена, что её подруга каждое слово предмета обожания пропускает через себя. И ей, Кате, это почему-то не нравилось.

— Что ж, Миша, это прекрасно, что ты умеешь ценить высокие чувства. Можно только порадоваться за ту девушку, которая полюбит тебя.

В тот вечер Таня особенно долго засиделась за домашним заданием. Катя не дождалась её, ушла в спальню. Когда она уже собиралась уснуть, Таня присела к ней на кровать.

— Ты спишь?

— Если и спала, то уже проснулась.

— Извини, Катюш.

Таня говорила еле слышным шёпотом, чтобы не будить других девочек.

— Катька, я только спросить тебя хотела.

— Спрашивай.

— Ты смогла бы написать такое же письмо, как Татьяна Ларина?

— Я? Да никогда. А что, ты собираешься Мишке написать любовное признание?

Катя усмехнулась.

— А слышала, что он сказал на уроке?

— Ну мало ли, что он сказал. Это же Мишка. Просто Мишка...

Катя удивлялась, что подруга не понимает очевидных вещей. Мальчишка, который боялся в детстве прививок, который умудрялся хватать двойки по математике за самые простые задачи в начальной школе, а потом угодил в компанию морального уроды Тихона... Не может этот самый Мишка быть повторением Евгения Онегина.

— Я где-то слышала, — шептала Таня, — что можно полюбить за любовь. Вот не любишь ты его, а он тебя так любит, что ты начинаешь испытывать ответные чувства. Из благодарности.

— Бред.

— Если бы он знал, что я к нему чувствую, он бы стал думать обо мне. А сейчас не думает, совсем.

Таня вздохнула. А Катя неожиданно разозлилась:

— Слушай, Тань, давай спать. Если ты решила поиграть в Татьяну Ларину и написать письмо с признанием своему Грачёву, пиши. Я даже передать ему твоё послание готова.

— Нет, что ты, Катька, что ты, я ни за что не решусь на такое.

Утром в классе они оказались первые, что было редкостью. Обычно их

опережали мальчики. Впрочем, уже через десять минут из коридора слышались шаги и голоса одноклассников. Внезапно к ней вплотную подошла Таня. Вложила в руки сложенный листок плотной бумаги, утолщённый написанным на нём шрифтом Брайля текстом.

— Передай ему, пожалуйста, Катя. Я написала. Передай. Только в руки, хорошо?

И Катя зачем-то ответила:

— Передам.

Проще сказать, чем сделать.

Не подойдёшь же при других ребятах и воспитателе с запиской: «Это тебе от Тани». Или: «Мне надо с тобой поговорить». Ещё хуже.

А что, если просто подсунуть письмо в парту, и пусть найдёт и прочтает?

Но ведь она обещала отдать в руки. К тому же записку свою Таня, может быть, не подписала и без объяснения доморощенный Онегин не поймёт, от кого письмо.

На следующий день случай представился. Когда все собирались на прогулку, Миша Грачёв и Лена Фёдорова гулять не пошли. У Лены была музыка, а у Миши шахматы. Таня крепко сжала Катину руку. Та поняла.

— Можно я тоже не пойду? — спросила она воспитательницу Ирину Викторовну.

— Мне надо математикой позаниматься побольше. В прошлый раз задачу не сделала.

Ирина Викторовна согласилась без возражений. Все ушли, а Катя осталась за своей партой. Скоро придёт Мишка с шахмат, и Катя вручит ему Танину записку. Лена в класс сегодня не вернётся. Она живёт недалеко от школы и каждый день ходит домой. Они с Грачёвым будут одни.

Но пока почему бы и правда не заняться геометрией, подумала Катя. Этот предмет шёл у неё хуже других. Она открыла учебник. Стала искать нужные упражнения.

Как она отдаст Мишке это письмо? Что скажет? Да ничего особенного. «Тебе записка от Тани». Вот и всё.

И как он поступит? Прочтает, рассмеётся? Пошлёт их обеих подальше? Или и читать не станет?

Пальцы бегали по строчкам, а в голове было совсем другое.

— Где этот козёл?

Дверь с шумом распахнулась.

Андрей Корданов!

Он уже закончил школу, но иногда заходил, потому что в начальной школе училась его сестра.

Катя почувствовала охватившую её радость. Ей всегда было приятно в

обществе этого доброго парня с красивым голосом. Она даже уже перестала обращать внимание на его манеру постоянно приправлять речь ругательствами.

— Какой ещё козёл?

— Привет, Катя. Да я про Мишку Грачёва.

— Он на шахматах, а что он натворил? Юльку, что ли, обидел?

Юлька была сестрой Андрея, бойкая первоклашка. Представить её обиженной кем бы то ни было казалось непростой задачей.

— Если бы он обидел Юльку, я бы ему оторвал башку, а так собираюсь только начистить морду и дать парочку советов.

— Так что он сделал?

— Юлька с подружкой увидели, как он мучает котёнка. Хорошо, что физрук оказался недалеко. Девчонки его позвали. Привёл Грачёва в чувства. Ну а я хочу помочь закрепить пройденный материал.

— С котёнком всё в порядке?

— Котёнка Юлька домой притащила. Славный зверёныш. Ублюдок сжёт ему зажигалкой усы. Но в целом малыш здоров.

Катю опалило злостью. «Сжёт зажигалкой усы!» Она была убеждена — тот, кто способен поднять руку на животное, да ещё такое беззащитное, как маленький котёнок, не имеет права называться человеком.

А ещё она подумала о Тане. Если Танюша узнает про котёнка! Катя вспомнила, как перед Новым годом Таня веселила всю школу, пристраивая котят бездомной кошки. В Танином доме, на первом этаже под лестницей, дворовая кошка родила пятерых котят. У самой Тани и без того вместе с ней переехали из Пскова собака и две кошки, поэтому родители не позволили забрать ещё и кошачье семейство. Соседи хотели утопить котят, но Таня не дала, пообещала лично пристроить каждого. Когда крошечные кошечки немного подросли, занялась поиском для них хозяев, подключив к процессу как одношкольников, так и учителей. И ведь общими силами пристроили всех котят, а заодно и маму-кошку.

Что почувствует Таня, когда узнает про поступок Грачёва!

— Зайду попозже, — буркнул Андрей и вышел.

Кате хотелось плакать. И что же теперь делать?

Дверь снова открылась. По шагам Катя узнала Ольгу Михайловну.

— Почему не гуляешь?

— Не пошла. Уроки надо делать.

— Что-то случилось, Катюша? Ты выглядишь расстроенной.

Катя глубоко вдохнула.

— Ольга Михайловна, что делать, если дала обещание, а выполнить не можешь?

— Зачем же давать обещание, которое невыполнимо?

Катя опустила голову.

— Я думала, что смогу. Но сейчас поняла, что, если выполню, будет плохо.

— Тебе?

— Нет, другому человеку. Которому обещала.

— Тогда подожди. Я не знаю, какое и кому у тебя обещание, но, поверь, две трети своих ошибок человек совершает, потому что торопится.

Ольга Михайловна вышла. А Катя уже знала, как поступит.

— Отдала? — спросила Таня сразу, как вернулась с прогулки.

— Да.

— И что он сказал?

— Он сказал, что ему некогда, прочитает позже.

— Спасибо. Я почему-то была уверена, что не отдашь.

В тот вечер Ирина Викторовна тщетно пыталась выяснить, откуда у Грачёва синяки. Он ничего не отвечал, после ужина сразу ушёл в спальню. А Таня весь вечер проплакала от сострадания.

— Кто Мишу мог обидеть? За что!

Потом были выходные, все разъехались по домам.

На следующей неделе Миша Грачёв в школе не появился. Таня переживала, а Катя, хоть и испытывала угрызения совести, радовалась и гордилась Андреем. Она знала точно, если бы была способна влюбиться, то влюбилась бы именно в него. Лучше Андрея ей пока никто не встречался. Увы, она была уверена, что такое непонятное чувство, как любовь, ей не дано испытать.

— Наверняка он уже давно прочитал моё письмо, — делилась Таня переживаниями.

— Наверно, прочитал, — вяло соглашалась Катя. А что ещё ей оставалось?

— Как ты думаешь, он изменит своё отношение ко мне?

— Может быть.

Когда Грачёв снова появился в школе, Таня ожила. Катя не без злости и немножко зависти чувствовала, что подруга напряжённо ждёт.

Интересно, чего? Что этот живоде́р встанет на колени и попросит её руки?

Живоде́р. Нет, про котёнка Катя ни слова Тане не сказала. Почему-то не смогла.

С утра в классе они оказались втроём. Сама Катя, Таня и Мишка. Таня подошла к Грачёву:

— Миша, как ты себя чувствуешь?

— Нормально, — ответил тот.

— Что с тобой было? Кто тебя побил?

Пусть ещё спросит, за что, подумала Катя.

— Слушай, жирная. Тебе-то какое дело?

Таня приглушённо вскрикнула, словно от толчка. А у Кати даже немножко закружилась голова от накатившей ярости.

Если у Танюшки и был лишний вес, то он никак её не портил, а только гармонично дополнял доброту и мягкость её женственной натуры.

— Заткнись, живождёр несчастный!

Она не помнила, как оказалась возле Грачёва.

— Мало тебе Андрей морду набил. Надо было так, чтобы и рот поганный не открывался.

Она вцепилась в воротник его рубашки. Но Мишка легко оторвал её от себя.

— Лечись, психованная.

Хлопнув дверью, он выскочил из класса.

— Почему ты назвала его живождёром?

Голос Тани звучал неестественно звонко.

— Он мучил котёнка. За это и получил от Андрюхи. У котёнка усы сожжены зажигалкой. Учитель физкультуры отнял. Юлька Корданова домой забрала.

Катя опомнилась.

— Извини, я не хотела тебе говорить.

— Катя, письмо...

Да, конечно, Таню волновал вопрос с письмом.

— Если бы я знала, ни за что... Ни за что...

Таня разрыдалась. Катя подошла к своей парте, достала так и не прочитанную никем записку, сунула Тане в руку.

— Соврала я, Танюшка. Прости, не отдала. Не смогла... Я...

Она не договорила. Как-то вдруг вышло, что они с Таней обнялись.

— Катька, Катька, — всхлипывала Таня. — Давай никогда, никогда в жизни не будем влюбляться?

И Катя от всей души согласилась:

— Ни-ког-да!

ГОРЬКОЕ ЛЕКАРСТВО

Влюбилась Катя Трошина, студентка четвёртого курса университета имени Герцена, мучительно, неотвязно и совершенно безнадёжно.

Виталий Верховцев был словно намагничен обаянием. Ум, чувство юмора, а к ним глубокий, обволакивающий голос — всё это заставляло Катю казаться себе маленькой и незаметной, а в то же время крылатым, носящим в себе тайну существом. Теперь, оказавшись среди студентов, она только и делала, что вслушивалась, выискивая среди множества голосов один. И наконец, обнаружив его на слух и сердцем, старалась хоть на шаг, хоть на метр быть ближе к источнику.

А сам Виталий, если и относился к Кате чуть внимательней, чем к другим, то лишь потому, что она была единственной незрячей студенткой на их курсе. Называл малышом. Помогал при необходимости прочитать текст.

Если бы хоть раз с ним подольше побыть наедине. Поговорить. Он, возможно, оценил бы её начитанность, мироощущение, способность глубоко чувствовать.

К тому же ей уже не раз говорили, что она очень даже симпатичная девушка со светло-русыми кудряшками и ярко-кариими глазами, по которым и не заметишь, если не всматриваться, что они не видят.

Подруга Таня уверяла, что любовь штука такая: или она есть, или нет её. И никаких промежуточных фаз тут быть не может. Если не прожгло сразу, значит, и не прожжёт.

— А как же полюбить за любовь? — напоминала Катя подруге разговор ещё со школы.

— Это сказки для оптимистов, — отмахивалась Танюша, — за любовь можно благодарить, уважать, можно даже научиться быть рядом с тем, кто любит, и быть счастливым, но любовь... Если она не пришла сразу, то и не придёт.

Кате, как и любому испытывающему невзаимное чувство, верить не хотелось.

Перед самой летней сессией девушка с их курса — смешливая Маша Дьячко между делом обронила, что приглашена на свадьбу.

— Виталик наш Верховцев женится, ты слышала? Он со своей невестой, говорят, с детства знаком. Любовь до небес.

Маша засмеялась и побежала по каким-то своим делам, а Катя узнала, что означает выражение «земля из-под ног уходит». У неё и в самом деле подкосились ноги. Катя ухватилась за подоконник. Перевела дух. Было больно, и она понимала, что теперь к этой боли надо привыкать как к дыханию, сердцебиению, необходимости есть и спать.

— Тебе помочь?

— Что вы, Ольга Михайловна, я сама.

Катя не была полностью самостоятельной по части готовки, многое за неё делали мама и младшая сестра, но уж разлить по кружкам чай ей было нетрудно.

Стоял летний день. Ольга Михайловна приехала к Кате в гости. Случалось это не часто, раз в год примерно, но всегда эти встречи проходили душевно и тепло. Обычно с ними была и Таня, но не сейчас.

— Как там Татьяна? — словно прочитала её мысли учительница.

— У неё всё отлично. Нянчит сынулю своего. Души в нём не чаёт. У меня и самой, как на ручки его взяла, сердце подпрыгнуло. Крохотная игрушка, а ведь живой человек, настоящий. Вырастет богатырём. А зовут Михаилом Юрьевичем, как Лермонтова.

— А муж её кто?

— Муж музыкант. Зрение тоже плохое. Человек, кажется, положительный. Да вы, может, помните. Юра Семёнов. Вместе с Фёдором Берченко в школе в группе «Солнцестояние» играл. Только Берченко бас-гитаристом, а Юра ударником.

— Ну а сама-то ты как, Катюша?

— Я... Я учусь, Ольга Михайловна. Это сейчас самое главное.

Катя слышала, как неестественно прозвучали её слова.

— Если хочешь, расскажи, — тихо предложила учительница.

— Да вроде не о чем. — Катя глотнула чаю, поставила чашку. — Расскажу, Ольга Михайловна, хотя и правда — не о чем.

И она рассказала. Про Виталия, про мечты, про невесту.

— Знаете, вроде бы ничего и не случилось, а жизнь опустела.

— Знаю. И я всегда понимала, что если ты влюбишься, то будешь чувствовать и страдать сильно.

— И что теперь?

— Прежде всего поверь, что это пришло, чтобы ты однажды встретила и оценила того, кто для тебя создан. Вижу, плечами пожимаешь. Я бы тоже не поверила на твоём месте. Но в жизни так получается, что каждая встреча кажется последней, каждый шанс — единственным. А выходит не так. Когда-нибудь, где-нибудь ты встретишь того, с кем просто захочешь идти дальше. А возможно, уже и встретила, просто пока не поняла. Главное, не ставить себе такой цели. Живи, учись, обогащай этот мир.

Катя засмеялась невесело:

— Да уж. Я как раз обогащу мир. Чем только, непонятно.

— Да не чем, а кем. Самой собой. Своими делами, мыслями.

Катя вздохнула.

— Ладно, Катюша, вижу, тебе сейчас не до морали. Все чувства в кучку.

Катя улыбнулась.

— Ничего, от первой любви излечишься, станешь мудрей.

— Дело за малым — излечиться. Знать бы как.

— Хочешь скажу, какое лекарство я в своё время выбрала?

— Какое?

— Горькое, но сильнодействующее.

Кате стало интересно. Неужели есть лекарство от разочарования в любви?

— Стихи.

Катя снова улыбнулась:

— «Хорошее» лекарство. Я сейчас стихи читать хочу в последнюю очередь.

— Я не настаиваю, конечно. Но почему не попробовать? Знаешь, чем просто стихотворение отличается от хорошего стихотворения?

— Чем?

— Талантливые стихи заставляют нас думать, как поэт хорошо выразил свои чувства, правда ведь?

— Разумеется.

— А когда мы читаем хорошее, гениальное стихотворение, мы поражаемся, как точно поэт передал наши чувства. Ты читай хорошие стихи. И вот когда найдёшь в стихах свои переживания, переболеешь ими, проплачешь, тебе станет легче.

Она не поверила, но на следующий день всё-таки поехала в библиотеку для слепых. В читальном зале обложила себя книгами разных поэтов и листала страницы, бегая пальцами по строчкам.

Блок:

«Да, я извела все муки, / мечтала жадно о конце, / но нет, остановились руки, / живу с печалью на лице...»

Павлова:

«Среди забот и в людной той пустыне, / свои мечты покинув и меня, / успели ты былое вспомнить ныне, / заветного ты не забыл ли дня?..»

Цветаева:

«...Я глупая, а ты умён, / живой, а я остолбенелая. / О, вопль женщин всех времён: / мой милый, что тебе сделала?..»

Ахматова:

«Я не любви твоей прошу, / Она теперь в надёжном месте. / Поверь, что я твоей невесте / ревнивых писем не пишу...»

Катя закрыла лицо руками и трудно, словно продираясь через что-то колючее, удерживающее, расплакалась.

ТОЛЬКО ВЫУЧИТЬСЯ ЖДАТЬ

— Катя, ты плачешь, что ли?

— Не плачу, нет.

Она вытерла мокрые щёки.

— Нехорошо обманывать старших.

Андрей обнял её, Катя прижалась к мужу.

— Ольга Михайловна...

Андрей напрягся:

— Что случилось?

С Андреем Кордановым Катя встретилась на юбилее их школы. Она узнала Андрея сразу. По голосу. Голос этот стал гуще, не так, как прежде, напоминал интонациями киношного Володю Шарапова, но остался таким же красивым.

Она попросила подругу подвести её к Андрею.

— Ты помнишь меня, хороший человек?

С тех самых пор они не расставались. Зачем, если так хорошо вместе?

Так бывает. Тронет, заденет, и понимаешь — это навсегда.

Свадьба, рождение детей. Сначала девочки Марины, потом мальчика Дениса.

Андрей как был в школе, так и остался для неё тем сильным, справедливым, немного не сдержанным в словах старшим другом.

Первая любовь ушла в воспоминания светлой грустью с вкраплениями поэтических строк. А Андрей и дети были её жизнью.

Когда Катя позвонила Ольге Михайловне, и внук Лёша сообщил, что бабушка в больнице с подозрением на рак, она сперва не хотела говорить близким. Но от Андрея разве что-то скроешь?

Рассказала. Между тем была середина февраля. Приближался семидесятилетний юбилей Ольги Михайловны.

И вот они с Танюшей написали на радиопередачу «По вашим просьбам» письмо с поздравлением.

Андрей да и Танин муж Юра скептически отнеслись к затее. Ольга Михайловна только прождёт напрасно. Вместо подарка получится разочарование.

— Не бог знает какое разочарование, — возражала Катя. — Ольга Михайловна не ребёнок. Поймёт. Зато, если всё сложится, как ей будет приятно.

День рождения Ольги Михайловны выпадал на первое марта. И вот этот день настал.

До одиннадцати оставались минуты.

Позвонила Таня:

— Готова?

— Давно.

— Ждём.

— Чего звонишь-то?

— Волнуюсь.

— Я тоже.

Заставка к передаче. Тёплый дружелюбный голос ведущего:

— Добрый день, уважаемые слушатели. В эфире передача «По вашим просьбам».

Катя затаила дыхание.

У Алексея чуть всё не сорвалось.

— Какая музыка, парень? Это больница, а не диско-бар. Сейчас обход врачей начнётся.

— Девушка, ну день рождения у человека. Семьдесят лет исполняется. Подумайте своей красивой головкой.

— Врач придёт, он тебе подумает, — огрызнулась медсестра.

— Ты спроси его, Лёша, спроси обязательно. Тебе он скажет правду.

— Спрошу, конечно, бабушка.

Вчера должны были прийти результаты анализов. Ольга Михайловна весь день прождала врача, но он не появился.

— Срочно вызвали, — объяснила медсестра.

— Может быть, он из-за плохих анализов не хочет со мной встречаться, ждёт, когда родственники придут. Тебе он скажет правду.

Лёша наклонился, поцеловал бабушку в щёку:

— Имениннице волноваться категорически противопоказано. Сейчас будем слушать передачу. Кто знает, может быть, и тебя поздравят.

Лёша и сам волновался. Если бабушка права, если диагноз подтвердится, как ему вести себя? Можно ли, нужно ли говорить правду? Отец считает, что ни в коем случае. Сам Лёша не был уверен, что такие вещи можно скрывать. Да и сможет ли он настолько контролировать себя, чтобы бабушка не догадалась? Ладно, сейчас ждём передачу. Всё остальное потом. Бабушкины ученицы очень просили включить в этот день для своей Ольги Михайловны радио. Ученицы. Сам Лёша никогда не видел этих двух женщин, но много слышал о них от бабушки. Особенно про Екатерину.

В школе ему трудно давалось запоминание стихов.

— А ты перевоплотись хоть немножко в того, от чьего имени читаешь стихотворение, — посоветовала однажды бабушка.

И тут же рассказала, как у них в классе проходили «Мцыри» Лермонтова. Сперва отвечала девочка по имени Анжела. Все увидели Мцыри смиренного,

покорившегося жизни. Такого, каким, возможно, задумывал его автор. А потом вышла Катя Трошина, сверкнула глазами и продекламировала гордо:

— «Ты слушать исповедь мою сюда пришёл? Благодарю. Но людям я не делал зла. И потому мои дела немного пользы вам узнать...»

Этот Мцыри был противоположностью предыдущего. Он не смирился, он жалел о том, что жизнь могла бы пройти не так, как прошла.

— «Тебе есть в мире что забыть. Ты жил, — я так же мог бы жить».

При этих словах у Кати навернулись на глаза слёзы.

— А ведь это девочка, которая и жизни ещё не видела, — удивлялась бабушка. — Я не была согласна с тем образом гордого, непреклонного Мцыри, которого нам Катя показала, но не смогла не поставить пятёрку. Такое сопереживание герою — это большой талант.

Лёша посмотрел на часы. До одиннадцати оставались минуты.

Чёрт знает что, но он почему-то всерьёз разнервничался из-за этой передачи.

Чуть прибавил звук.

— Добрый день, уважаемые слушатели. В эфире передача «По вашим просьбам».

Ну не выйдет и ладно, строго сказала себе Катя. В любом случае Лёша обещал потом позвонить, рассказать, как бабушка. Он намекал что-то про результаты анализов. Должны были прийти, но не пришли, или врач уехал...

Может, зря они с этой передачей придумали? Мало ли Ольге Михайловне и её семье без того волнений.

А ведущий продолжал говорить:

— Начать мне хотелось бы с письма двух наших слушательниц из Санкт-Петербурга.

«В первый день весны мы поздравляем с замечательным юбилеем нашу учительницу Ольгу Михайловну Забегову.

Ольга Михайловна для нас, выпускниц школы-интерната для слепых, была и остаётся не просто учителем русского и литературы, а старшим другом, мудрым и добрым наставником. Благодаря ей мы носим в себе яркий внутренний свет, и да, не видим, но прекрасно чувствуем красоту окружающего мира. Мы очень хотим, чтобы Ольга Михайловна ещё много-много лет делала этот мир богаче. Как учила когда-то нас, богаче собственным в нём присутствием. Своей сердечностью, своей мудростью.

Просим сегодня для нашей дорогой учительницы, нашего родного человечка Ольги Михайловны включить в передачу её любимую песню “Надежда” в исполнении Анны Герман».

Первые аккорды песни. Кто их не знает, независимо от возраста и поколения!

А потом зазвучал голос певицы. Несравненный. Омывающий.

Лёша стоял перед бабушкой растерянный, а она плакала и всё шептала и шептала:

— Девочки! Счастье! Поживу ещё.

«Надо только выучиться ждать, / надо быть спокойным и упрямым. / Чтоб порой от жизни получать / радости скупые телеграммы».

— Поживу ещё, — повторила бабушка.

— Ещё как поживёте.

Ольга Михайловна и Лёша обернулись. В дверях стоял доктор.

— Того, чего мы опасались, не случилось. Анализы хорошие. Немножко подлечитесь и домой.

Лёша поймал на себе взгляд бабушки. Сомневается. Сейчас врач вызовет его в коридор и откроет страшную правду. Или всё-таки можно поверить бодрому прогнозу? Алексей внимательно посмотрел на врача. Пожилой доктор без улыбки, но с добрыми умными глазами вслушивался в последние звуки песни.

И понял — верить можно.